

Ольга Котова

не **ДЕТСКИЕ**
РАССКАЗЫ

16+

Ольга Котова

Недетские рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55842610

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-05757-9

Аннотация

Если бы люди были также пронзительно откровенны, как в кабинете психолога, мы бы знали, что всё происходит со всеми. В сборник вошли 67 историй о чувствах, которые мы предпочитаем скрывать. Мы делаем это, потому что не уверены, что то, что мы чувствуем нормально. А ещё опасаемся, что нас не так поймут. И скажут: «не парься», «ты загоняешься», «это того не стоит». И главное, нам часто кажется, что наши чувства, вообще, не заслуживают внимания. Самое ценное, что даст тебе книга – готовность рассказать свою историю, потому что она такая же поразительная, как и все здесь написанное.

Содержание

Глава 1	5
Поколения	5
День рождения	5
Чита	8
Счастливая	10
Жданка	13
Семья	15
Лучшее время	17
Глава 2	22
Дружба	22
Когда я был маленьким	22
Китайский ресторан	28
Секрет	32
«Со мною вот что происходит»	33
Новоселье	35
Глава 3	45
Про любовь	45
Петербург	45
Гриша	46
Через всю жизнь	47
Маньяк	48
14 февраля	50
Замуж	52

Жены

52

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Ольга Котова

Недетские рассказы

Глава 1

Поколения

День рождения

Сколько тебе лет, читатель? Может быть, 25 или 47? Когда твой день рождения? Ведь с кем-то мы рождены в один день...

Я опускаю руки в холодный фарш, пальцы немеют, но я продолжаю отбивать мясо. Вроде бы все еще спят. Туман. Но это лето не такое уж плохое. По крайней мере, утро на даче мне нравится каждое лето.

Я слышу легкий скрип в доме. Наверное, дочь. Попрошу ее быстренько приготовить завтрак, а сама буду заниматься обедом. Еще много дел. Муж топит баню. Нет, конечно, гости в баню не пойдут, но она должна быть теплой. В бане вечером можно будет смыть весь день. Даже такой хороший, как сегодня.

Я мою руки от мяса и выхожу в огород. Еще много росы, и не хочется опускать руки в холодную траву, но я все же обрываю несколько помидоров на омлет. Мне нравится наша дача, нравятся грядки и цветы. Цветы особенно. Я захожу в беседку, еще пустую и неукрашенную. Складываю помидоры в карман халата и беру вазу.

А что? Поставлю уже сейчас небольшой букетик, все же мой юбилей.

Дочь зовет меня звонким совсем несонным голосом. Хотя нет еще и восьми часов. Она ведет меня к реке, воды почти не видно в тумане. Я в носках до колен и резиновых тапочках. Но река много раз видела меня такой.

Наташа держит меня за руку. И когда это случилось так, что она стала такой взрослой? Иной раз гляну: гораздо взрослее меня. Она рассказывает, как вчера купила рыбу и забыла ее в коридоре на радость коту. Смеется коротко и красиво. И я смеюсь, с ней нельзя не смеяться. И тут же думаю: вот только мне было 30, а ребяташки сидели вот тут на берегу с коротенькими удочками. И вот уже и Наташе 30, и она покупает рыбу... И вообще все-все в жизни делает сама. И уже мои внучки ловят здесь пескарей.

На берегу тихо-тихо. Я вижу стол и шары, Наташа смеется и целует меня. Мартини? Мартини на рассвете?! Неужели я делаю это?!

Играй, музыкант, играй!

И он играет. Наш добрый сосед играет мне на трубе, и

музыка летит на тот берег и обратно!

Приходит вся семья, кутаясь в кофты и смеясь. Я мельком думаю про фарш и мясо на шашлык, про гостей и еще пустую беседку, но Наташа улыбается и никуда не спешит. Конечно, мы все успеем. Теперь так просто быть несовершенной и не успеть испечь пирог к приходу гостей. Так просто простить себе всю свою жизнь и сидеть вот тут на берегу реки и пить мартини со своей семьей. Дорогая моя девочка, давно ли я была такой отчаянной, как ты, и давно ли ты доверяла мне все свое детство? А теперь я больше могу не быть всесильной... могу плакать при тебе, отчаиваться, сидеть допоздна с соседями у костра, просить тебя заплатить за свет и спрашивать твоего совета на работе. Ты делаешь меня счастливой. И самой собой.

Туман рассеивается, я вижу другой берег. Вода тихая и прозрачная. Я думаю о детях. Одна половина моего сердца ежесекундно с тобой, Наташа, а другая там, в воспоминаниях. В воспоминаниях о том, что у меня еще был сын. И там, в прошлом, он есть у меня, и здесь, на тихом берегу, он тоже есть у меня.

Может быть, мне повезет, и я когда-то умру в доме рядом с этим берегом. Летним вечером, окруженная правнуками и своими воспоминаниями. Жизнь очень тяжелая штука. Сколько тебе лет, читатель? Ты верь мне. Она неподъемно тяжелая. Но есть в ней и место такому счастью, что дух захватывает, и ты как будто летишь над туманом, над рекой,

над всем миром такой легкий, такой спокойный. Как сейчас.

Я чувствую, что руки еще немного пахнут фаршем. Наташа улавливает мой взгляд и понимает меня без слов. Смеясь и отшучиваясь, она ведет нас обратно на дачу. Все же я не люблю встречать гостей с незаконченным пирогом.

Слава Богу за все.

Чита

Мы с ребенком летели из Москвы в Читу. Уже не домой, а погостить. С домом у меня пока неопределенно. Но история не о том. И даже не о поиске смысла жизни. История о шпильках.

Дочь сидела у иллюминатора, я по центру. Рейс задерживали. Все уже были в самолете, но он не двигался. Было жарко, и немного пугала мысль, что 7 часов полета еще даже не начались. Слева от меня сидел мужчина. Это был огромный мужчина. Высокий, бородатый, мощный. Он разговаривал по телефону. Минут 40. С компанией по предоставлению услуг связи. Говорил он периодически, видимо, остальное время слушал назойливую музыку автоответчика. Сначала он подробно рассказал ситуацию одному оператору. Его переключили на «лучшезнающего». Он повторил ему. К седьмому оператору он был уже очень краток. Проблему так и не решил. Но духом не пал, несмотря на то, что всё это время, скрючившись в малом для него кресле, держал телефон у

уха.

Наконец он решительно повернулся ко мне и представился.

Он оказался то ли немцем, живущим в России, то ли русским из Германии. Инженером. Очень хорошим, как он сказал, инженером, очень ответственным за какой-то серьезный участок добычи чего-то.

Летели мы хорошо – дочь спала, мужчина болтал. Рассказывал интересно. И, конечно, спросил, что посмотреть в Чите.

А я и не знаю. Не потому, что посмотреть нечего, а потому, что всегда теряюсь, когда мне такие вопросы задают.

«Ты была в Питере? Что там посмотреть?» – «Э-э-э... ой там, все!»

И в итоге понимаю, что больше всего мне понравилось в караоке-баре, где мы до утра сидели с подружками. Не порекомендуешь как-то. Вроде лицом в грязь. Или, того хуже, репутацией в кальян и грязные танцы...

Но Чита-то! Родина моя! И ничего на ум не идёт, кроме Ленина на площади. Тем более что командировочный там только проездом, а так он куда-то на север Забайкальского края... на месяц. А там точно ничего.

И тут наконец осеняет меня – женщины! В Забайкалье нет ничего прекраснее женщин! Не нужно никуда ходить специально, достаточно не сидеть в номере.

Был ноябрь. Но я точно знала, что Наши его не разочару-

ют. Даже в суровый мороз никаких скучных московских водоотталкивающих сапог он не встретит. Только феи на каблучках и в норковых шубках с большой пуговицей, усыпанной стразами. И макияж всегда! Не в метро, не в такси! Строго до выхода на улицу.

И в Чите от красоты глаза разбегаются.

Мужчина улыбался. Командировка начинала ему нравиться. Он, конечно, сказал, что если там все женщины такие, как я, то он мне верит. Этим он хотел заслужить возможность съесть не только свой ужин, но и оба наших. Мы не жадничали, ведь ему эта коробочка экономкласса как слону морковка.

Говорят, что мода берет свое, и Чита тоже сереет дорогими пальто мужского кроя. Но все же я точно знаю, что даже в таком пальто Забайкальская красота вырвется наружу.

Я вот на шпильке хожу в Москве. Верный признак провинциалки. Ну не все же могут позволить себе поездку в Забайкалье. Пусть вычисляют нас здесь.

Счастливая

Она всегда делала это накануне своего дня рождения. Перебирала старенький чемодан с заржавевшими замками. Чемодан был полупустым не потому, что в нём было слишком мало вещей, а потому, что он был слишком большим для его содержимого.

Она была одна, все разошлись по делам и, конечно, кроме прочего, покупали ей подарки к завтрашнему дню.

Если ты узнаешь о ее жизни до сегодняшнего дня, то неизбежно расстроишься. Тебе не покажется, что она была счастливой.

Но я все равно расскажу. Многое понравится тебе, послушай...

Завтра ей исполнится 74, даже не верится... Ты не представляешь, какая у неё отчетливая память. Помнишь ли ты себя в 4 года? А в 15?

Она помнит слишком много. Это не считаешь за счастье. Помнить очень тяжело.

В 2 умерла мама, заболела – и через неделю в доме было много печальных людей. Она на все смотрела из кровати.

Отец, страдающий безмерно, отдал всего себя детям – ей и старшему брату. А через 2 года умер и он. Она и это помнит.

Их с братом забрала не то тетка, не то соседка. 3 года как кончилась война, сирот было не сосчитать. Вот и они тоже.

Женщина эта через неделю устроила брата в детский дом, на выходные брала к себе. Заботилась как могла.

Надя к ней прикипела всей своей напуганной душой. Женщина была хорошая, это Надя помнит и до сих пор повторяет себе: она хотела как лучше. Это Надя о том, что женщина привела ее однажды в гости к брату, сказала, чтобы та подождала ее до вечера. И ушла навсегда.

Надя помнит, как ее поставили на стол, раздели дого-

ла, постригли практически налысо и одели во что-то неудобное. Так она попала в детский дом. Послевоенный детский дом. Помнит каждый день до своего шестнадцатилетия, когда уехала в педучилище.

Помнит, как ели какую-то сладкую траву у забора детдома.

Как нашла металлические шарики, 16 штук (!), от подшипника. Прятала эту драгоценность во рту, чтобы не отобрали, и 8 из них проглотила за день.

Помнит, что по несколько раз в год лежала в больницах, чем только не болела. Выжила.

Помнит, как одна санитарка в больнице посадила на колени и сказала: «Заберу я тебя, Надюшка, у меня три сыночка, вот и дочка будет».

5 лет она ее ждала, весь детдом смеялся. Но больше никогда не видела.

Помнит, как приехала в училище... общежитие, девчонок, первую настоящую дружбу.

После училища уехала по распределению, от брата совсем далеко. Много переписывались, единственные родные души.

Вышла замуж, но семья мужа детдомовскую не приняла. 13 лет воевали с ней, внуков видеть не хотели. Так и распались отношения. Подняла детей одна.

Завтра ей 74. Она перебирает вещи: фотографию мамы, письма брата, тетради еще с училища, газетку про родное село, младенческие вещички сыновей, их первые поделки...

Завтра у нее день рождения... Все соберутся за большим столом – дети, внуки, правнуки, друзья. И муж, с которым уже 20 лет вместе (вот уж не надеялась на любовь перед пенсией!).

Надя закрыла чемодан, убрала его обратно под кровать, вытерла слезы.

Она живет хорошую жизнь, ей не надо другой. Только бы помнить поменьше.

Жданка

Так звали мою любимую корову. Пожалуй, из всех домашних животных коров я полюбила больше остальных.

Жданка была красивая – темно-коричневая, крепкая, выразительная.

Я ее боялась, но все равно любила. Она была старше остальных, с характером.

Но характер ее был понятен – не злить, считаться с терпением. Терпения у Жданки было много – вымя тугое, тяжелое, 10 – 12 литров молока. А мне лет 10, я ее доила гораздо дольше бабушки. Жданка терпела. Только изредка утомлялась и уходила. Просто переступала через меня с ведром и выходила из стайки (помещение на хоздворе, где коровы отдыхают и зимуют).

Пару раз мне от Жданки приходилось прыгать на забор. Не то чтобы она бодалась, но могла показать рога. Один раз

она разлила полное ведро молока. И даже не посмотрела в мою сторону. Как ей самой было не жалко?! Целый час стоять смиренно и вылить все на дощатый пол...

Но было в ней и ласки немало. Она давала обнимать себя, делать массаж, почесать за ухом.

Породистая была корова. Воспитанная.

Идет из леса впереди не спеша и все за ней, кое-кому из телок помоложе хочется припустить, но Жданка не торопится... и они делают вид, что можно не спешить. Открываешь им ворота, забываются – бегут к воде, к ведрам с кормом. А Жданка не бежит, идёт, как шла. Но никто ее ведро не тронет. От бачка с водой разойдутся. И она будет стоять, пить аккуратно и тихо.

По правилам и по силам, Жданку всегда стоило доить первой. Но она меня жалела, и я к ней шла в последнюю очередь. А до нее доила всех нетерпеливых. Корова, когда устает или руки твои ей не понравятся, может уйти, лечь, лягаться. Жданка же вздыхала, но стояла. Только смотрела на меня раза три за дойку обескураженным взглядом. Мол, кто догадался под меня эту малявку посадить.

Когда мне было лет 15, я приехала в деревню и не смогла Жданку подоить, она не дала мне молока. Пришлось идти деду. А мне так хотелось его пожалеть, помочь хоть немного. Но Жданка уже не шла мне навстречу. Говорю же, опытная была корова – берегла мое детство. А потом уже как со всеми взрослыми обходилась – никаких компромиссов.

Семья

Деда Вася плохо слышит. Если очень громко говорить ему в ухо, то частично он поймет вас. А в целом он уже привык к тишине.

И вот подросшие внуки решили, что деду Васе давно пора купить слуховой аппарат. Внуки – это народ современный, продвинутый. Нашли специалиста, посоветовались, выбрали достойную модель. Купили и подарили. Не забыли прокомментировать четверем дочерям деда (собственными матерям), что об аппарате те давно сами должны были догадаться.

Деда Вася плохо слышал уже лет пятнадцать. Во всем районе этот факт был известен и приспособлен. В магазинах обслуживали, не переспрашивая, на почте писали на бумажке или показывали жестами, в детских садах, откуда дед забирал трех внучек, воспитатели только улыбались.

Дома на нем держалась вся семья, потому что недостаток по слуху добавил наблюдательности. Поэтому за его спиной мало кто на что решался. Даже жена его Валентина.

Квартира у них была большая – 5 комнат, в каждой жил кто-то из членов семьи. Дети, внуки и правнуки – все крутились здесь. На праздники собирались всегда у дедов в зале, стол накрывали от двери до окна. Умещалось не меньше 20 человек.

Деда Вася мужскую поддержку в семье имел только в лице шестимесячного правнука Егора и трех разновозрастных зятьев. Остальные члены большой семьи были женщины – 18 человек. И это был не предел.

Конечно, большая семья делала дедов счастливыми. И, самое главное, очень нужными. Под их крылом росли дочери, внуки и вот теперь правнуки.

Хотя, конечно, всякое случалось. Много пережила эта громкоголосая семья, но силы своей не растратила.

Дед был крепок здоровьем, мог и в лес на заготовки до поздней ночи уйти, и рюмку-другую на застолье поднять, и грядки вскопать на даче, помощи не прося.

Слуховой аппарат деду как-то не приглянулся, но внуки уговорили. Сводили к доктору, все опробовали и приготовились вместе с дедом радоваться.

Через неделю использования подарка у деда поднялось давление. Впервые, считай, за 78 лет. Через месяц он уже ежедневно пил таблетки, как все старики в его подъезде. А потом и вовсе на ЭКГ сказали, что был инфаркт и надо бы себя поберечь.

Бабушка собрала внучек и сообщила, что аппарат она сломала и ремонту он не подлежит. «Я не дура, – сказала она, – и дед не дурак, не слушал он 15 лет всех семейных передряг и правильно делал. Мне все равно, что дед глухой у меня, главное, что старость вместе проходит».

Дед аппарат починить не просил.

Лучшее время

Баба Нина мне встречается часто, бывает, и по несколько раз в день. Ходит она быстро, пружинисто, хоть уже разменяла восьмой десяток. Мимо моего дома она идет к бывшему мужу. Он не то старше ее на год, не то младше. Красивый старик, статный. Хохмач! Она же сухонькая, юркая, тихая.

Зачем ходит по три раза на дню, не знаю, то ли по хозяйству помогает, то ли кормит его. Отношения эти странные, но уютные.

Как-то оказались мы с бабой Ниной вместе в лесочке. Собирали землянику.

Земляника ягода такая, что если много ее, то можно вокруг себя ползать и всю не оберешь. Вот мы и ползали.

То ли настроение совпало, то ли приглянулась я бабушке, но узнала я ее историю... Горькая история вроде как, а баба Нина говорит, что счастливая.

– Мы, – рассказывает она, – приехали сюда из Узбекистана в начале 90-х. Жизнь так повернула, что за одну ночь с Мишей пришлось нам собраться и выехать. Здесь оказались случайно, не вспомню уже, то ли позвал кто, то ли с поезда тут сошли. А что нам – два чемодана да вера в лучшее за душой. И все. Ну и любовь. Любила я его крепко.

Миша через 8 лет ушел от меня, женщина та с детьми была. А я так и не выносила ни одного. Я думала, умру с горя,

все ждала, что умру, а видишь, дожила до старости. И Миша дожил, я его теперь не то что люблю. Жалею больше. Одинокий он, как дом заброшенный.

А я, как ушел он, металась так, что стены дома ходуном ходили. В пустом доме знаешь как гулко...

А через год мальчишку взяла на воспитание. Хороший парень вырос, сын мне, считай. А Мишу те дети так и не приняли. Вот она его и выпроводила.

Я тебе по сердцу скажу, мать всегда за детей, даже я за Колю своего стеной встану. Пусть и против Миши. Вот так вот.

Но Миша к Коле хорошо. Сказал вот на днях: я дурной, не сберег детей наших и сыну отцом не стал. Это он верно сказал, жизнь свою как ножницами перерезал. Недолюбленным Миша не был у меня.

Но я тебе про другое хочу: вот ты все ищешь для себя что-то, взгляд у тебя цепкий. А по мужу своему вскользь взглядом-то. А ты остановись на нем. Долго-долго посмотри. А то забыла ты уже все – как это любить, как без мужика быть, как не знать судьбы своей женской. Посмотри на него. Вот не дрогнет у тебя сердце совсем, тогда и отводи взгляд. А дрогнет – вызови его на бой, выдержи, как пронзят тебя его глаза, и будут чувства острее первых. Минуты рядом с ним считать будешь.

Я молчу. Вот как прижала меня баба Нина.

А та пересыпала землянику в бидон, обтерла руки об се-

бя, достала хлеба, сыра домашнего и мне протянула. Сидим, жуем. Думала, не полезет мне кусок в горло, а нет – вкусно, остановиться не могу.

Баба Нина вздохнула и снова заговорила:

– Ты представь, мы с Мишей жили впроголодь. Гражданства нет, денег нет, жилье – флигель холодный. Чем только не зарабатывали, но особенно дороги мне вот такие наши минуты в лесу. Мы с трех утра с ним в лесу уже были – ягоды собирали на продажу, грибы, травы. Потом продавали на базаре или у поездов. Вот наберешь, бывало, литров 10, а то и 15 голубики и несешь ее на станцию рука об руку с ним. С ног бы упасть от усталости, а так хорошо идти, что и обратно бы в лес пошел снова собирать. И так каждый день. Бывало, ничего не набирали, нечего было продать. Но не унывали мы. Любовь-то – она в тягостях в сто раз сильнее.

Потом, когда Миша встретил ту женщину, жизнь наша уже легче была – домик небольшой купили, на работу оба устроились. Он бы меня в тех лишениях не оставил. Я так считаю, что даже тут он позаботился обо мне. Теперь вот я о нем забочусь...

Глава 2

Дружба

Когда я был маленьким

Гоша собрал друзей. Пригласил всех к себе в субботу вечером под предлогом своего дня рождения. Всего получилось 17 взрослых человек. Детей никто не взял, что было прекрасно.

Гоша развелся месяц назад и очень хотел не вести переговоры, а все обозначить на месте.

Основной проблемой было то, что люди не знали друг друга. Но Гоша рассчитывал на спиртное. Это он подбирать умел. Готовил Гоша тоже отменно и с удовольствием организовал стол сам.

Первыми пришли студенческие друзья – три семьи, но эти были знакомы. Пришли шумно и легко. Компанией всегда лучше начинать любой праздник. Остальные подтягивались парами и по одному, почти никто не опоздал. Конечно, все спрашивали про жену.

Гоша первый тост сразу взял на себя:

– Ребята, я сегодня собрал вас как самых дорогих друзей.

Я хотел сообщить вам, что с Ниной мы больше не живем вместе. Решили освободить друг друга. Я уверен, что Нина никому из вас не звонила и первый информатор я. Давайте выпьем за дружбу и мою свободу.

Никто не округлял глаза, никто ничего не пытался выяснить. Всё приняли как есть. Гоша другого и не ожидал.

Пили все! Это была отличительная особенность подхода Гоши к гостям.

Постепенно завязались разговоры, и студенческая компания по краям обратилась к соседям слева и справа.

Юра, бывший Гошин коллега, был без жены и пил виски, поэтому он быстрее всех завладел общим вниманием.

– Жора, – сказал он, – ты, как мой лучший друг, должен внимательно отнестись к сложившейся проблеме моего одиночества на работе. Ты или к нам вернись, или меня к себе забери!

Гоша улыбнулся и сказал, что пока ни тот, ни другой вариант рассмотрен быть не может, но, учитывая, что Юра на своей работе ценный специалист, он считает его кризис временным.

– Нет, – сказал Юра, – кризис мой навсегда. Я вызвался на прошлой неделе провести презентацию для китайских коллег. И вчера я ее провел. Забери меня, друг, к себе. Желательно в понедельник утром, – Юра страдальчески засунул в рот пучок кинзы.

– Ты не покоришь китайских коллег?

– Даже хуже... Я презентацию неделю готовил, не спал, похудел на четыре килограмма. У меня был неудачный макет, который в прошлом году составил совершенно безграмотный чувак. Его тогда не приняли, но и китайцы не приехали. Мне дали этот макет и сказали, что сделай как угодно, но только не так. Я к китайцам приехал, начинаю доклад, а там не моя презентация, а эта, позорная! Я и на голове ходил, и вприсядку, все на пальцах, короче, показал не хуже голливудского актера. А моя презентация дома, понимаете, на рабочем столе ярлычком висела. Моя идеальная презентация! Чтоб ее!

За столом раздались сочувственные смешки, волной переросшие в хохот.

Когда он начал стихать, Юлия, жена брата Гоши, сказала, что смешного мало, она вот точно такую же ситуацию пережила в жизни и ощущение это отвратительное. Ее муж удивленно вскинул брови.

– Мало ли что у меня в жизни было, – повернулась к нему Юлия. – Это еще в детском саду мне нагадили. Перепутали мой рисунок огурца с каким-то чужим, совершенно уродским огурцом! Все домой ушли, я одна осталась. Мама пришла, а воспитательница отдает ей рисунок и говорит: «Это мы сегодня рисовали, вот Юлечкин рисунок». А там не мой огурец! А мама мне: «Ну что ты, не расстраивайся, мне все равно приятно, это тоже красивый рисунок». И я так свой рисунок и не догнала. Юра хоть постоять за себя может, а

моей маме насильно вручили ужасный рисунок, и никто меня не послушал!

Одной волной хохота не обошлось. Он несколько раз перетекал через весь стол. Юра отчаялся найти поддержку. Ситуация с огурцом была бы комичной и для него, если бы не чертова презентация.

Сквозь утихающий смех пробился голос мужа Юли, который тоже поддался воспоминаниям беспомощного детства.

– Нет, это вроде бы и смешно, но, с другой стороны, я, взрослый дядька, борщ, например, тоже из-за садика не ем. Как в обед был борщ, так я вступал в бой с нянечкой. Она мне его впихивала, можно сказать, но я ни ложки не проглотил. Борщ – это издевательство над детским организмом. Но хуже всего, конечно, был сон в обед.

Информация про сон час в детском саду вызвала гул и объединила всю компанию гораздо эффективнее виски и коньяка. Парочка присутствующих пыталась сообщить, что на самом деле поспать было не так уж и плохо и сейчас на работе они бы каждый день ныряли в кровати на два-три часа. Но общее возмущение подавило их несмелые намеки.

Обеденный сон вырвался из детских воспоминаний, как вода из сифона. Сон признался исключительной пыткой и, главное, мгновенно оброс историями о воспитательнице на стульчике, стоянии в одних трусах в углу, необходимости укладываться только «мальчик-девочка» и прочими ужасиками.

Компания забыла про еду, совершенно стерла из памяти развод Гоши и являла собой обнаженное коллективное детство.

Маша, когда-то первая любовь Гоши, откинулась на спинку стула и громко скомандовала:

– Все идут мыть руки! Все закатали рукава? Гоша, я кого спрашиваю: ВСЕ закатали рукава?

Ее правдоподобная ярость пришлась по душе всем собравшимся, и большинство отреагировало искренними ругательствами и новыми взрывами хохота.

В этом гвалте Наташа, скромная Гошина подруга со школьных лет, как наяву, ощутила прикосновение холодной мокрой варежки. Эта процедура, проводящаяся у них в саду в целях закаливания, сделала ее до дрожи теплолюбивой. Расслабленная атмосфера развеселившейся компании позволила ей поджать ноги на стуле под себя и даже стянуть с Гошиного диванчика небольшой плед, служивший обычно его коту.

Как будто уловив Наташины мысли, гости вспомнили про утреннюю зарядку и тут же сошлись во мнении, что это было довольно утомительно. А главное, совершенно не имело осознанности.

Заметно успокоившийся Юра хлопнул себя по животу и сообщил, что вот сейчас он бы не прочь начинать утро с зарядки, особенно если потом все пойдут на завтрак.

Информация о завтраке окончательно раззадорила народ:

каша с комочками, молоко с пенкой и чавкающий сосед. Когда шум чуть стих, выдохшаяся компания вернулась к еде. Гошин труд был оценен на высшем уровне. Снова начали завязываться диалоги по парам, пока кто-то не подкинул дровишек:

– На самом деле сейчас мы все тут такие счастливые! Мне вот в детском саду не нравилось ВСЁ! Абсолютно ВСЁ! Но что тогда можно было сделать? Ничегошеньки! А сейчас попробуй меня заставь в тазике закаляться! Нет уж, я теперь большая, добровольно в прорубь ныряю!

Эти слова очень воодушевили гостей. Но тут произошло неизбежное: собравшихся настигла мысль о собственных детях. О том, что почти у всех дети ходят в детский сад... сейчас.

Эта мысль никому не понравилась, бездетным в компании был только Гоша. Именно поэтому мысль к нему не пришла, но напряжение он почувствовал. И потому предложил выпить. Что подействовало хорошо, но с оттенком философии. Но это была обычная динамика для праздничного вечера.

Вернулись также и к Гошиному дню рождения. В частности, Ира сказала следующее:

– Дорогой наш любимый друг! Нет дома гостеприимнее твоего. К тебе хочется идти. В детском саду меня жутко смущал запах чужого дома... знаешь, когда идешь мимо открытых шкафчиков, а там запахи чужие, не свои. Вот в твоём доме пахнет хорошо. Пусть он тебе всегда будет крепостью.

Гоша дрогнул.

Разошлись все уже ночью, долго обнимались и прощались в коридоре. Кто-то так признакомился, что договаривался о новых встречах. Это стало хорошим подарком Гоше.

Спать ему не хотелось: он убирал со стола, мыл посуду, иногда наливал в бокал. Думал о Нине. Вот ей в детском саду все нравилось, она ему это сто раз говорила. И еда, и воспитатели, и друзья.

И друзья...

Гоша вспомнил, как они бежали на прогулке к заборчику: Нина с одной стороны, он – с другой. Группы разные были, общаться можно было только так. Как ему было неуютно, если Нина болела и не ходила в садик. Какой заборчик был некрасивый в такие дни, недобрый. И как здорово было, когда она возвращалась!

«А ведь я тоже болел, – подумал Гоша. – И тоже не ходил. А она там ждала меня. Не говорила ничего, но ведь ждала».

На часах было уже 04:30. Он позвонит ей в 07:00. Да-да, воскресенье. Ну, хорошо, в 09:00 позвонит. Гоша взял и снова отложил телефон. «Детский сад какой-то!» – подумал он и набрал ее номер.

Китайский ресторан

Мы ужинали в китайском ресторане. Они здорово придумали про еду в коробках. Честно сказать, я нередко заказываю

ваю эти коробки домой, когда в сотый раз смотрю одни и те же фильмы. Но мне каждый раз вкусно.

Лида опоздала, как десятки раз до этого. Я ее люблю больше всех. И побаиваюсь. Когда твоя лучшая подруга четвертый раз замужем, то почему-то в твоей семейной жизни тоже наводится смута.

Из нас троих хорошо пью только я. Оттого у меня есть и другая веселая компания. Но только в этой я могу отчаянно веселиться на трезвую голову.

Таня ест морепродукты, грациозными движениями отправляя в рот щупальца. Ей даже это к лицу. К идеально накрашенному лицу. Таня определенно самая красивая из нас.

Я за Таню спокойна во всех отношениях. А за Лиду – нет. Но она не знает об этом и тоже ест морепродукты. Абсолютно некрасиво и неграциозно. Наверное, в четвертом браке вообще не приходится стараться произвести впечатление.

Таня частенько заглядывает в мессенджер, там ее контролирует мужчина мечты – любовник с 10-летним стажем. Лида же вообще телефон дома забыла. Невообразимая свобода матери троих детей. Рожденных до четвертого брака.

На десерте заговорили о бывших. Оказалось, что сердце Лиды было однажды разбито совсем не узаконенным мужчиной...

Речь ее громкая, настойчивая. Нас слушают все соседние столы. Мы привыкли.

«Мне тогда все равно было кого любить, понимаете! По-

сле Никиты как каток переехал, поэтому на Него я даже внимания не обратила. Он вообще неприметный такой был, неуверенный в себе, что ли. Я думала, он учитель, ну там ОБЖ или истории (не спрашивайте о первоисточниках Лидиных умозаключений), а он вполне себе серьезный полковник полиции оказался. Отчасти он меня просто достал назойливостью – конфетки там, эсэмэсочки... Он женат был, мне этих проблем не хотелось ни грамма.

Ну вот вы представьте, девчонки: я в депресняке, он зануда – перспективы ноль. Казалось бы. А он не отлипает и все! Я трубку не беру, на сообщения не отвечаю, цветы в урну! А он все тихонечко так, гнет свою линию. Короче, продолжалось это довольно долго. В какой-то момент я начала скучать, если он выпадал из моего поля зрения. Как-то раз он исчез больше чем на неделю. Ни сообщений, ни конфеток с розовыми бантиками. Я напряглась. Потом опять появился, ну, конечно, это исчезновение дело свое сделало... А он, оказывается, с женой разводился! Нет, вы прикиньте, пришел как на ладони: вот я, вот мои перспективы, доходы, сердце там и все до кучи... выходи за меня.

Самое идиотское, что сначала я его не принимала всерьез, а потом не могла вам признаться, что оказалась такой дурой!

Я же переехала к нему. Я, как Герда за Каем, черт возьми, за ним ринулась. Это сумасшествие было. Он меня от себя самой забрал – видел меня насквозь. Любви было столько, что хватило бы на маленькую женскую армию.

Мы о детях говорили. Он меня купал каждый вечер. Завтрак готовил. Я в нем каждый миллиметр выучила. Мне башню сносило. Я тогда ребенком попустилась. А он детскую обустроивал, возил сына на все кружки. Я на работу забила, чуть не вылетела. А мне страшно не было. Я вообще дома хотела сидеть – его ждать.

У меня тело без него чужое было. Как масло под его руками таяло. Я все позволяла. Все... Я все хотела.

Три месяца. И все.

Он к жене вернулся. Выставил нас с Гришей в один день как нагадивших котят.

Я два года вдохнуть не могла. Рыдала прямо на улице на коленях. И в ванной своей на полу лежала выла. Он ни на одно мое сообщение не ответил.

Девочки мои... жутко как было».

Мы молчим. Немного звенит в голове от стыда, что даже не заметили, как Лида в одиночку билась.

Лида молчала, разглядывая ложечку для десерта.

Я накрыла ее ладонь своей, мне хотелось хотя бы сейчас с многолетним опозданием взять себе немного ее страданий. Наконец, Лида подняла на нас чуть покрасневшие глаза: «Девочки, прикиньте, в упор не помню, как его зовут...».

«Пам-пам».

Как говорит один мой друг.

Секрет

Мы дружим с Люсей почти 20 лет. Дружили наши бабушки, затем мамы и мы, конечно, тоже. Но, чувствую, этому паровозу три вагона хватит.

Еще в школе Люся постоянно окунала меня в неловкие ситуации: то расскажет в компании, как я юбку забыла надеть после физкультуры, то маме моей сболтнет про тройку, то мой ответ на литературе громко прокомментирует. При этом она сохраняла невинный вид и полную заинтересованность моей персоной. Поэтому обижаться и обсуждать было как-то неудобно. Со временем я привыкла, что Люся просто «такая». И не только я, наши общие подруги тоже оказывались задеты ее необдуманноими словами и поступками. Но все списывали это на то, что Люся «легонькая».

На прошлой неделе Люся с мужем ужинали у нас. К слову сказать, я знакомила их со своим будущим мужем. Вместе мы всего 7 месяцев, собирались пожениться летом.

Единственным хорошим результатом совместного ужина стал тот факт, что я за 5 дней похудела на 2,5 кг. От слез.

Игорь со мной не разговаривает, и, кажется, свадьбы не будет. Во мне множится обида, я вспоминаю и вспоминаю все Люсины удары невзначай. Я столько ей простила. Простила ли?..

Я пишу Игорю сотое сообщение. Он их даже не читает.

Люся, кажется, ничего не поняла. Нет! Люся сделала вид, что ничего не поняла! Разве ж можно быть такой дурой.

Я ставила на стол шампанское, когда Люся проворковала:
– А ты тоже будешь с нами или тебе минералки?

Игорь улыбнулся и сказал, что пополнения мы ещё не ждем.

– Нет-нет, – сказала Люся. – Я про кодирование! Тебе можно уже?

– Можно, – ответила я.

Ужин не удался. После их ухода я начисто все рассказала Игорю. Он ответил, что бывших алкоголиков не бывает, и ушел.

Я пью уже 5 дней. Только бы не думать. Не думать ни о чем.

«Со мною вот что происходит»

Наташа решила уйти от мужа. По причине нелюбви. Казалось бы, ну что такого, тысячи разводятся. Надо просто сделать это. Каждый вечер она засыпала с этой мыслью под его дыхание. С каждым часом все больше погружаясь в болото чувства вины. Но решимость никак не накрывала ее.

Через 4 месяца Наташа позвонила по телефону службы доверия и этим же вечером сообщила Антону, что больше его не любит и браку конец. Антон был ошарашен, но решимость Наташу настигла. Она за два дня собрала вещи и пе-

реехала на съемную квартиру вместе с трехлетним сыном.

Развелись сухо, почти без слез.

Прошло уже 5 лет, Антон женат второй раз, Наташа счастлива замужем, родила двойню. Развод давно отболел. Одно только не дает ей покоя – реакция лучшей подруги Алины. Отчего-то Алина наотрез отказалась от отношений с Наташей. 5 лет тишины и тоски по ней. Наташа тысячу раз в уме пробовала объяснить Алине, что не могла она больше жить без любви. Но мысли все время уходили в сторону и возвращались к одной и той же исходной – у Наташи был хороший брак и она его сама разрушила, пожелав больше счастья. Алина никогда ее не поймет. Она за своего мужа горой. А Наташа в ее глазах предательница.

Спустя еще 3 года к Наташе на прием пришла мама Алины. И как будто не было столько лет разлуки с тетей ВалеЙ!

Тетя Валя тяжело болела, Наташа хлопотала о хорошем лечении, как за собственную маму просила. Так ей хорошо было, что тетя Валя не упрекнула ни в чем! Про Алину не спрашивала, не решалась.

Тете Вале сделали операцию, Наташа забегала проведать, договаривалась с врачами. Алину не встретила ни разу. И как-то само собой перестала бояться этой встречи. Тосковала только очень по ней. А тетя Валя вдруг сказала: «Ты, Наташа, на Алинку не обижайся, она тоже скучает по тебе. Прячется тут от тебя, потому что стыдно ей теперь уже. Ты ее пойми – она пятнадцатый год с Гришей. Он хороший па-

рень, ничего не скажу. Но не любит она его. А кого любила, тот уж женат давно. Не ушла она к нему, не решилась. А ты решилась».

Новоселье

Мужики приехали помочь Герману переехать в новую квартиру. В 11 утра они уже загрузили все его кое-как собранные коробки, два десятка одинаковых черных пакетов и один шкаф. Всю технику и кровать Герман купил заново. Шкаф же перевозил потому, что тот был сверху донизу обклеен карточками футболистов.

К оклейке шкафа Герман подошел очень серьезно, и даже его мама, чрезмерно искусенная искусством, нашла в этом творчестве некоторую привлекательность. Поэтому шкаф был самым ценным грузом. И он доехал без единой царапинки. А вот коробка со всякими важными мелочами оказалась утеряна. Но Герман еще об этом не знал.

Разгружали весело, впереди маячили коньячок и хорошая беседа.

Квартиру Герман купил трехкомнатную в спальном районе, что наводило на мысль о его возможной женитьбе. Именно эта тема сопровождала весь переезд.

– Гера, скудно ты бежишь из холостяцкого жилища!

– Герыч, шкаф – это пережитки обременительной свободы. Брось его, Герыч, брось.

– Мужики, таскайте, я разберусь. Может, он моим детям принесет целое состояние!

– Ты, считай, женат на шкафе. Никто не пойдёт к тебе второй женой!

– Мужики, грузите в лифт! Нельзя бросать шкаф, мне коробки некуда распаковывать.

Шкаф занял свое место в гостиной. Смотрелся он там странно и одиноко. Но мужики уже попустились и закрыли на это глаза.

Очень хороша оказалась спальня: белая, тёплая, с огромной кроватью в центре. При знакомстве со спальней кто-то всё же задвинул, что шкаф надо ставить сюда, чтобы идеальность не резала глаз. Ну и чтобы не вводить в заблуждение будущую жену. Но Гера непреклонно промолчал.

Наконец, все стеклись на кухню, привезли пиццу, и Герман почти с первого раза нашел нужную коробку и достал спиртное.

Стульев всем не хватило, потому что пока на новой кухне их было два, а мужиков вместе с Германом пять. Конечно, это многовато для такого скромного переезда, но вполне подходит для многолетней крепкой дружбы.

– Гера, так что там с невестой?

– Мужики! Ну че вы начинаете, вы же знаете, что не очень у меня по этой части. Вдруг я женюсь, а потом встречу еще лучше!

– Лучше жены встретить невозможно. Она в совокупно-

сти все равно самый удачный вариант. Комплексно, так сказать. А остальное развода не требует.

– Ну вот давайте рассудим. Есть Аня. Она бомба просто! Не поверите, больше сотни килограммов весом, но вообще не парится. Прямо на каждом углу трещит, что вес не помеха. И он ей реально не помеха! Огонь баба просто!

– Гера, стой! – Лёня вскочил с подоконника, и сразу стало понятно, что был задет его опыт. – Женщина пышных форм у меня была, ключевая проблема – ее вес. Она так хочет похудеть, что через месяц тошно становится от этих разговоров.

– Да нет же! Говорю, не парится вообще. Она блогер. Может любую свою фотку выложить. Можно сказать, вес приносит ей доход. У нее что ни пост, то ода пышкам. Ну и по части моих предпочтений она крайне хороша. Но что-то с ней не так. Не могу только понять что...

– Вес, Гера! С ней не так ее вес! – Лёня опять подскочил. – Она помешана на своем весе, понимаешь. Она тебя доведет. И еще будет по утрам постить ваши ножки из-под одеяла.

– Ну ножки ладно, это я ей быстро прикрою. Но что там с весом-то?

– Нет хуже вечно худеющей бабы.

– Да не худеет она, толстеет только вроде.

– Это ты неправильно считаешь информацию. Твой мозг за пеленой страсти. А я тебе говорю, что изо всех сил безуспешно худеет. Не худеет та, что спокойненько ест в три

часа ночи и тебя кормит. И словом не обмолвится про себя прекрасную. Вот тебе приходит на ум рассказывать другим, как ты принимаешь душ?

– Ну нет, конечно!

– Во-о-о-от! Потому что тебе все равно, как ты принимаешь душ! Да же? Или тебя беспокоит, хорошо ли ты моешься? Вовремя ли? Правильная ли у тебя мочалка?

– Да не гони! Кто думает про душ?

– А может, все-таки тебе хочется учить других принимать душ, рассказывать, как это прекрасно принимать душ по утрам и как хорошо, когда душ принимаешь, как тебе хочется?

– Лёня, ты че несешь?!

– То и несу, дружище, чтоб ты понял, что блогерша твоя помешана на своем весе. Иначе никакой пропаганды ее пышного счастья не было бы.

– А вообще да, Гера! – хмыкнул Костя. – Это так получается. Я вот кокосы не ем... но мне совершенно все равно до этого факта. Я их просто не ем. Не ненавижу, не презираю, а просто НЕ ЕМ. А вот если бы я на людей накидывался: «Вы что, едите кокосы? Фу-у-у, как можно! Они же отвратительные», это означало бы, что я думал о кокосах! Понимаешь?

Герман откусывает огромный кусок пиццы и напряженно жует. Все ждут.

– Хорошо, это я понял. Возвращаясь к ножкам под одеялом, трезвею окончательно.

Раздался гул победившей толпы. И в этом гуле общее внимание стремительно перенеслось на Глеба, который замер с рюмкой у рта:

– Мужики, че-то я про душ задумался. Может, его все же надо как-то принципиально иначе принимать?

– Не сбиваемся с курса, не реагируем на явления неустойчивой психики Глеба! – вскричал Лёня. – Ищем жену!

Герман вздохнул и сказал, что провал Ани его обескуражил и он не уверен, что стоит сейчас серьезно подходить к этому вопросу. Возможно, он еще молод и не готов.

– Герман, молод ты быть уже не можешь, может, только если конкретно для брака. Как известно, если до 25 не женился, то потом еще рано. Но на вид ты вполне себе не молод. Так что давай ориентироваться на внешние признаки.

– Хорошо, есть еще Таня. Она точно идеальный вариант: 27 лет, юрист, красотка, и мама у нее живет очень далеко. В Канаде, кажется.

– Что-то ты, друг, темнишь! Больно мягко стелешь. Детей у нее, может, трое?

– Нет, детей нет, кошка есть. Добрая одна и еще две злые. Костя закашлялся:

– Кошки! Герман, кошки! Чтоб их! Они еще не расцарапали тебе лицо? Кот моей тещи исправно гадит мне в туфли, когда мы приезжаем. Так я их в пакетик и на вешалку вешаю. То есть я стою перед тещей весь такой brutальный и с туфлями в пакетике. Заметь, она мне пакетик не предлагает ни-

когда! Я его привожу с собой. А потом складываю и уношу до ближайшей мусорки. Это чистейшая дрессировка со стороны любимой тещи.

– И, заметь, не только кота! – жизнерадостно подытожил Глеб.

– Факт, – сник Костя. – Но зато опять же опыт! Говорю со всей серьезностью, друг, что кошки помеха счастливой семейной жизни. Если ты к ней переедешь, будешь все свои вещи в пакетиках под потолком хранить. Если она к тебе – они шкаф твой издерут. Просыпаешься ночью, а они когтями по карточкам футболистов...

– Дурак! – Германа подбросило от мысли о когтях. – Конечно, я не буду к ней переезжать. Ну и она с кошками как-то не вариант. Или, может, мы кошек куда пристроим...

– Герман, кошки – это они не сами по себе. Это она, понимаешь, с кошками! Это значит, что кошки у нее на самом первом месте. Ещё и злые кошки, а это даже не знак, это бегущая строка! – Лёня выразительно взмахнул ножом над очередной пиццей.

– Нет, – подхватил Костя. – Эта женщина нам не подходит. Давай подумаем еще. Это прекрасно думать о женщинах. Это восхитительно думать о них вот так, под контролем лучших друзей, – в его голосе чувствовались азарт и вдохновение.

– Ну, предположим, есть еще Алина. Но только предположим! – Герман вскидывает палец вверх: – Алина работает в

соседнем отделе, все общение в основном в лифте. Два раза обедали. Стойкая женщина с претензией. Но адекватная.

– Чем наша Алина занимается после работы?

– Точно знаю, что бегает. Ну а так, как обычно, ничего такого. Адекватная она, говорю же.

– Дети? – выстрелил Лёня.

– Есть дочь, первоклашка вроде.

– Это, Герман, хороший вариант, – Глеб ударяет по столу. – Разведенная, адекватная женщина – самородок. Если еще она сама папашу того кинула, то вообще мечта.

– Вот я и говорю, что только «предположим». К такой женщине нужен подход. И не обмануть. Обмануть плохо будет.

– Боишься мести? – съязвил Лёня.

– Нет, боюсь обидеть.

– О-о-о, что же тут обсуждать, друг?! Нашел ты женщину своей мечты!

На этом разговор утратил пикантность, и мужики засобирались расходиться. Всех дома ждали не самые теплые встречи. Но каждый рассчитывал оправдаться участием в великом деле: пристраиванием Германа в семейную жизнь. А это железно воодушевит любую женщину.

Герман до конца дня занимался разбором вещей. Понял, что нет одной коробки. Это как раз такая коробка, когда, что бы ни понадобилось, все в ней. Она точно не осталась на прежней квартире, он тщательно все проверял перед ухо-

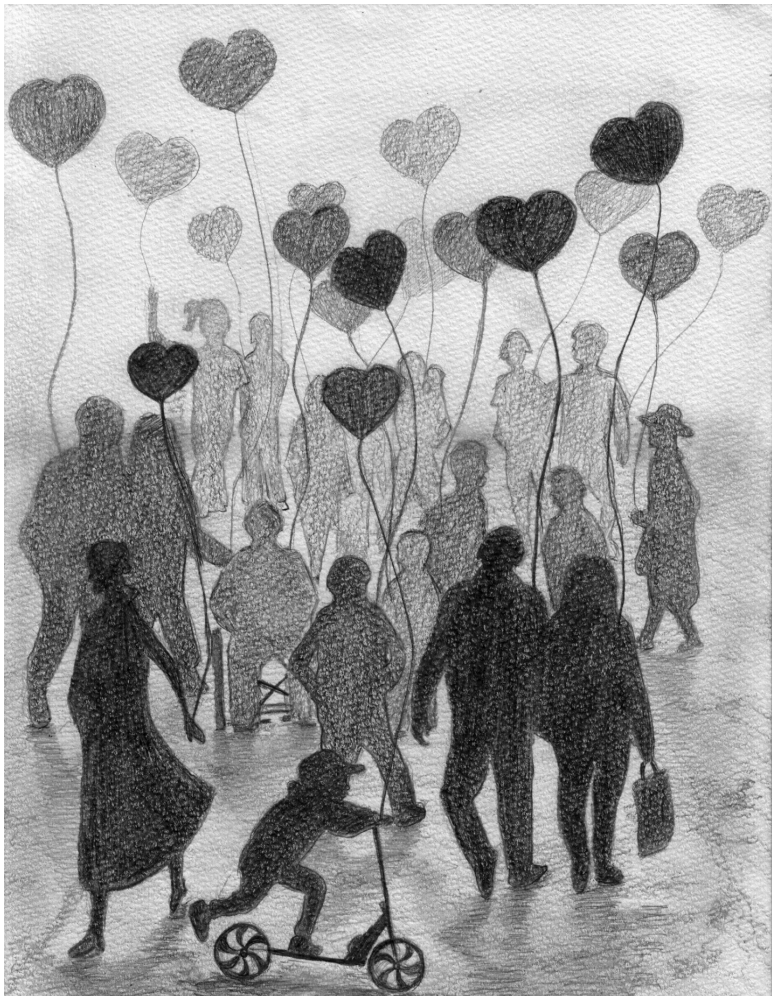
дом. Значит, она где-то аккуратненько была поставлена, а потом забыта. Всего ее содержимого он, конечно, вспомнить не мог.

Сначала Герман разозлился, потом расстроился, а затем вспомнил, что там был венчик. И венчику этому было лет 10, и ни разу он им не воспользовался. Может, неудачный какой венчик у него был. Может, и стоит забыть этот венчик и дождаться, чтобы женская опытная рука купила новый венчик. Самый подходящий.

И он написал Алине: «Привет, как насчет обеда завтра?». Потом перечитал и стер. Через полчаса написал снова: «Привет, я переехал на новую квартиру. Это совсем рядом с тобой. Может, заглянете с дочкой в гости? Или поужинаем где-нибудь все вместе?».

Алина ответила через 44 минуты, неожиданно многословно: «Привет! Поздравляю! Как насчет футбола? Своди нас для начала на матч) Только никаких страстных отношений с футболом. Просто интересно разок посмотреть. А вот дочь, может, и станет твоим компаньоном на трибунах».

Так у шкафа замаячило будущее. И у Германа тоже.

Глава 3

Про любовь

Петербург

Мы познакомились в баре в 4 утра. Она мне понравилась стремительно. Ничего такого – глухой воротник черной рубашки и красный лак на ногтях. Однозначно моя женщина.

Я был настойчив и во многом превзошел свое собственное представление о себе. Мы ходили в картинные галереи, волонтерили в питомниках для животных, вместе пекли «Наполеон», и я познакомил ее с мамой.

Она во всем меня переплюнула – ловко и не обидно. И я даже не заметил, как мы переехали жить в Питер, поближе к ее родителям. Ну и с перспективой на большее окультуривание.

Я купил кольцо.

Но за день до коленопреклоненного действия мы ходили в театр, где я по совершенно необъяснимой для себя причине позволил себе разговор по телефону прямо во время спектакля.

И знаете что – я ей сразу разонравился. Нет, она не зли-

лась, не воспитывала меня, просто собрала мои вещи и сказала: «Что-то ты мне разонравился».

Вроде все культурно. Но как-то без души.

Гриша

Это случилось в 1951-м, когда моя прабабка дождалась мужа с войны.

Он ушел в 42-м, оставив свой запах на снятой после сенокоса одежде, недоделанные детские автоматы из дерева и свою огромную кружку на печке. Она и четверо детей остались картинкой в проеме чуть покосившейся калитки.

Сначала приходили письма. Нечасто. Читала всем вслух. До войны было далеко – тысячи километров. В общем-то все осталось, как было при нем: изнуряющая работа по хозяйству и в поле, недельные походы в лес за припасами, редкие сплетни с соседками. Только теперь все было до оглушения пустым. До войны ей казалось, что как мужик он слаб. Что он во всем ее слушается и потекает. А как осталась одна, так поняла, что он – это каждое полешко в доме, каждое ведро воды, каждая капля ее спокойствия.

И вот перестали приходиться письма. Другим, бывало, приходили похоронки. Ей же ничего.

Она ходила к старой Горье, жившей на откосе у реки. Та, не глядя в глаза, сказала, что ничего про него не знает. Не помер, сказала, жив.

Горька видела про всех, но в основном самое плохое. Оттого ее так и прозвали. Боялись ее ужасно, но шли к ней тяжелыми шагами, когда незнание было больнее, чем правда.

Кончилась война. Кто-то начал иногда помогать ей продуктами, бывало, кто забор подколотит или дров подкинет. Дети уже работали с ней наравне, а ели больше.

Она ссутулилась, усохла, перестала перечитывать письма. Но ждала.

В конце сентября 51-го она работала на картошке. Осень выдалась сухая, тихая. Копали поздно. Увидела, как бежит кто-то по полю. И услышала... «Надя, Гришка твой пришел!» Засуетились руки, обтирая землю, в груди похолодело и ноги ослушались. Встает с колен и падает. Так и поползла через все поле. Где на четвереньках, где по-пластунски. Проваливалась в картофельные лунки, до крови обдирая колени. Гришка поднял ее уже у дороги. Как поднял, так сразу на ноги и поставил. Во всех смыслах.

Через всю жизнь

— Я ведь всю жизнь с Валею, 35 лет скоро. Нет, я не жалуясь, но вот Аню все не забуду. Могло же быть все по-другому. Я ее (Аню) нашел недавно в соцсетях, месяц на страницу заходил, все читал и разглядывал. У нее тоже семья, дети... вдова уже. Сказала, что никогда себе не простит, что не пришла в тот день. Какой же я был дурак!

– А что произошло тогда?

– Мы в закрытом городке жили, мне 25, я приехал по распределению. Ей 19. Дышать друг на друга боялись. И тут меня отправляют в Москву насовсем, как лучшего сотрудника. А она боялась ехать страшно. Я месяц уговаривал и вспылил в итоге. Говорю: «Завтра в десять жду тебя на нашем месте. Не придешь, значит, не судьба». Ну она и не пришла, я до двенадцати на морозе ждал и уехал на следующий день, как отрезал. Потом вот Валю встретил, первая дочь, вторая... так и жизнь сложилась. Но тоска по Ане накрывала иногда такая, что хоть вой. И жену мне жалко было от моих мыслей, и стыдно перед ней. Бывало, упрекал ее только потому, что зол на Аню был. Лет 15 назад я ездил в тот город, ходил по «нашим» местам. Хуже только стало от этого.

– Так почему же Аня не пришла?

– Сказала, что за ночь у нее зуб разболелся, щека раздулась и стыдно ей было идти так ко мне. Думала, что успеет меня найти или адрес узнает, куда писать. А не получилось.

Маньяк

Катя, как обычно, возвращалась домой с работы. Была среда. Некоторых пассажиров она уже узнавала. Она всегда выходила ровно в 23:00, не задерживаясь ни на минуту. Наверное, те, кого она узнавала, тоже берегли свое время.

По средам она часто встречала худенькую девушку с ро-

зовыми волосами. Вот уже полтора года цвет ее волос не менялся. Иногда видела мужчину, который не останавливаясь обкусывал заусенцы. По четвергам она всегда видела женщину с красной сумочкой. Всё остальное в ней было чёрным или серым. Даже волосы. Сумочка слегка истрепалась, но всегда привлекала к себе внимание.

Сегодня она заметила симпатичного мужчину в серых джинсах. Его видела впервые. Впрочем, конечно, многих в вагоне она видела впервые. Он тоже заметил ее. Катя смутилась и «уткнулась» в телефон.

Она ехала от конечной до конечной. Поначалу ей казалось это бесконечно долгим. Но теперь уже привыкла и утешалась отсутствием переходов.

Он ехал так же до конца. Вышел и пошел следом за ней. До самого дома. Кате стало жутко. В подъезде она бежала до лифта.

В пятницу случай почти забылся, а к понедельнику стерся совсем. В следующую среду всё повторилось, ровно как в прошлый раз. А потом ещё каждый вечер он преследовал ее. Просто молча шел за ней. В первом часу ночи это напоминало аттракцион из комнаты ужасов. Только страшнее.

Через неделю она позвонила двоюродному брату и попросила проводить ее домой, рассказав про «маньяка».

В метро они увидели его, но он не испугался и никуда не делся, вышел на предпоследней станции и с тех пор исчез из Катиных вечеров.

Некоторое время она вспоминала о нем, не то с облегчением, не то с сожалением.

В прошлое воскресенье они с подругой катались на коньках на маленькой дворовой площадке. «Маньяк» пришел туда с сыном.

Катя от неожиданности поздоровалась с ним. Он подошел и представился:

– Сергей.

– Катя.

– Сынок, познакомься с тетей Катей.

– Папа, она что, моя новая воспитательница?

– Нет, она продает журналы. Мы познакомились в метро.

Сын улыбнулся и выехал на лед. Катя смотрела на Сергея.

– Так зачем же вы ходили за мной?

– Я провожал вас, Катя. Опасно возвращаться так поздно.

Сергей вздохнул и наклонился завязывать коньки.

– Это был мой брат тогда, ну... когда вы перестали меня провожать.

– Брат?! То есть завтра я провожаю вас снова?

14 февраля

Ненавижу этот праздник. Никогда его не любила. В школе ни одной валентинки, только от подружек! До сих пор вспоминать противно. Были те, у кого 20 – 30 (!) сердечек. А у меня ни единого воздыхателя на 1200 человек.

Пожалуй, именно поэтому я тоже считаю этот праздник импортным. Как Хеллоуин. Потому что счастливых Дней всех влюбленных у меня не было.

До вчера.

Утром на работе я обнаружила букет. Я его увидела еще сквозь стеклянную дверь кабинета. Это раньше я лет 15 искала на всякий случай и ничего не обнаруживала. А тут свершилось. Это был самый красивый букет за всю мою жизнь.

Я его рассматривала, трогала, обнимала. Но никакой открытки я в нем не нашла.

Самый лучший День всех влюбленных омрачил факт отсутствия отправителя.

Позвонить мужу и захлеб благодарить? Может, это начальник? А случаем, не тот красавчик, с которым встретились в командировке? Что делать? А если муж, а я не позволю...

До вечера ситуация не прояснилась. Рабочая результативность была близка к нулю. А букет становился все прекраснее.

В 18:00 принесли еще один. Лучше. И с открыткой от мужа.

Когда мы уже засыпали, он сказал, перебирая мои волосы: «Утренние цветы тоже от меня». Как же хорошо! Не надо мне никаких сюрпризов. Я люблю 14 февраля. Это самый лучший праздник. Я так долго ждала, чтобы мне помогли его полюбить.

Замуж

Я не люблю работать с группами по выходным, почему-то в будни все проходит динамичнее. Так вот, на одном из мастер-классов (в среду утром) произошел интересный случай. После первого перерыва у одной из участниц зазвонил телефон. Оказалось, будильник, напоминающий ей, что пора отпрашиваться и сбегать. И вот она говорит:

– Я прошу прощения у всей группы, мне очень жаль уходить, но иначе я опоздаю в ЗАГС. Я просто сегодня замуж выхожу.

Группа:

– О-о-о! Поздравляем!

– Спасибо, но ничего особенного. Я за него уже выходила, это мой бывший муж.

И вот так в джинсах и кроссовках она ушла в повторный брак.

По пути стряхивая песок с ладоней.

Больше всего мне понравился будильник. Ну и, конечно, ее самодостаточность.

Жены

«Чтобы стать женой генерала, нужно выйти замуж за лейтенанта» – эти слова мама не раз говорила Ире. Мама от-

личалась пронизательностью и честностью, а Ира – умом и привлекательностью. И последнее все время прибавало ее к мужчинам, которые могли себе такую красоту позволить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.